

Лавров К. Ю.

91
2/88

Советская Литва
г. Вильнюс

9 ЯНВ 1988

Корр. Кирилл Юрьевич, минувший год войдет в историю как год 70-летия Великого Октября. Мы прожили его под знаком перестройки, в условиях расширяющейся демократии и гласности. Готовясь к юбилею Октября, воскрешали еще не знакомые страницы революции, вспомнили ее неизвестных и просто забытых, либо когда-то вычеркнутых из истории бойцов. И это — примечательный фактор нашего времени.

Не менее примечательно и то, что в поисках ответов на самые жгучие вопросы современности мы с особым вниманием всматриваемся в тот недолгий, но удивительно емкий период, когда во главе нашего государства стоял Владимир Ильич Ленин. Чем, по-вашему, вызван возросший интерес к первым годам социалистического строительства?

К. Лавров. Прежде всего сближением слова и дела. Был период, когда ленинские слова использовались в основном для праздничных цитат и лозунгов, для пропаганды наших успехов — подлинных и мнимых. Но народ-то не обманешь, он хорошо видел, что громкие лозунги — сами по себе, а жизнь — сама по себе. Вот этот разрыв между призывами и конкретными делами ощутимо сказался на общественном настроении. Сегодняшняя партия не обещает коммунизма через двадцать лет, скорого и всеобщего благоденствия и изобилия. Наоборот, она говорит, что для этого всем нам придется немало поработать, что легкого успеха не будет. Вот эта суровая правда как раз и внушает людям оптимизм.

Сейчас мы открыто говорим, что ленинские принципы соблюдались не всегда и не в полном объеме. Поэтому естественно, что возрождение этих принципов вызывает самый пристальный интерес к нашему прошлому и его урокам. А через призму истории — к нашим сегодняшним делам.

Корр. Наш сегодняшний день наполнен революционным, крепким, энергичным словом «перестройка», одинаково звучащим на всех языках. То, что мы сейчас переживаем и что обозначаем этим словом, ни на что в нашем прошлом не похоже. Люди понимают: есть вопросы перестройки, для решения которых потребуются не одна пятилетка, а то и две, три. Это коренные вопросы огромной важности, и один из кардинальных — широкое развитие демократии, без чего, собственно, никакие перемены невозможны.

К вопросам развития демократии Ленин обращался в своих работах, выступлениях неоднократно и настойчиво. «Развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой...» — так определял Владимир Ильич одну из составных задач борьбы за социальную революцию.

К. Лавров. Мы все сегодня ощущаем современность, политическую остроту и актуальность ленинских заветов. Процесс обновления, перестройки партия начала именно с демократизации общества. Прямо и ясно говорится, что перестройка возможна только через привлечение самых широких масс к управлению всеми делами общества и государства.

Но ведь и Ленина в свое время очень беспокоил вопрос: разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Ведь речь идет о вовлечении в этот процесс миллионов! Отвечая на него, Ленин говорил: путь здесь только один — учиться и учить.

А для этого, считал он, ответственные товарищи должны жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд.

Разве эти ленинские принципы не относятся к нашим сегодняшним руководителям? Еще как относятся!

Корр. Но, наверное, не в меньшей степени они относятся и к представителям Советской власти. Ведь Советы, указывал Ленин, будучи по своей программе органами управления через трудящихся, на самом деле являются органами управления для трудящихся. И истинный демократизм проявляет себя прежде всего прямой выборностью всех властей, местных и центральных. Но наряду с этим принципиальным положением истинного демократизма Ленин считал важным признание и применение права отзыва избирателями своих выборных. В первый же месяц Советской власти он сам составляет проект декрета о праве отзыва, где подчеркивает, что всякий отказ от проведения в жизнь этого права, всякое его ограничение были бы изменой демократизму.

Вам, Кирилл Юрьевич, как депутату Верховного Совета

СССР доводилось ли наблюдать или хотя бы слышать, чтобы избиратели воспользовались этим правом?

К. Лавров. Отвечу вопросом на вопрос. Возьмем, например, Закон о выборах. Разве где-нибудь записано, что мы должны выбирать из... одного кандидата? Однако выбирали. Так демократия подменялась администрированием.

То же самое и с отзывом депутатов: право есть, но им почти не пользовались. Ну, может быть, за исключением случаев, когда депутат себя чем-нибудь сильно скомпрометировал. Но вот не так дав-

но утверждает: демократия и гласность хороши до определенного предела!

К. Лавров. Один мой знакомый сущность демократии определил следующим образом: демократия — это когда кричат. Некоторым крик не нравится — морщатся. По мне, крик все-таки лучше, чем кладбищенская тишина единомышленных одобрений, — он свидетельствует о жизни. Однако мой знакомый упустил из виду главное: демократия — это когда кричат по правилам. Но сначала должны быть сформулированы сами правила. Сформулированы

ВСТРЕЧА С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО

О происходящих в нашей стране процессах обновления общественной жизни, совершенствования демократии с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, народным артистом СССР Кириллом ЛАВРОВЫМ беседует наш корреспондент Н. Романович.

но смотрел по телевидению очередной «Круглый стол». Там, в частности, прозвучал такой вопрос: «Может ли избиратель отозвать депутата, который нарушает Закон об охране памятников культуры?». Два года назад подобный вопрос на экране, да и в жизни был немыслим. Да и некому было его задавать. Сейчас же можно пойти еще дальше — показать, как отзывают такого не оправдавшего надежд депутата. Подобный репортаж мог бы стать уроком государственного мышления.

Корр. Время у нас на дворе сложное. Народ вновь учится ценить свой голос. Учитесь жить в условиях демократии и гласности. К иным явлениям не подойдешь с привычными мерками. Молодежь откровеннее с нами, старшими, ярко проявляет свои пристрастия, не всегда безупречные. Плюс или минус! Заводские рабочие, дождавшись отъезда директора в отпуск, втайне от общественных организаций дружно выбирают совет трудового коллектива. Плюс или минус! Индивидуальная трудовая деятельность — плюс или минус!

Иными словами, не стоит ли прислушаться к тем, кто

законодательно. Чем больше законности, тем больше демократии. Для чьих-то ушей такая формула может звучать непривычно. Закон у нас, к сожалению, редко воспринимается в его демократизирующем качестве. Закон понимается чаще всего как ограничение, а не как право. Считается, что чем «меньше закона», тем больше свободы. На самом деле наоборот: свободы меньше — больше административного произвола.

Корр. Отчетливо представляя себе колоссальные возможности социалистической демократии, вряд ли все-таки следует отрываться от реальной почвы. Ведь еще Владимир Ильич Ленин предупреждал, что Советская власть — не чудесный талисман, она не излечивает сразу от недостатков прошлого, среди которых наиболее коварным надо признать бюрократизм. Бюрократ Ленин считал самым опасным врагом в социалистическом строительстве. Это тогда. Но и сейчас, несколько десятилетий спустя, бюрократическая язва не побеждена, она нашла особо благоприятную среду в организме советского аппарата.

Как, по-вашему, почему мы дожили до жизни такой? К. Лавров. Потому что со-

стенной бюрократизма, сложенной из «хороших кадров», не боролись так, как это мыслилось Ленину: «А к суду за волокиту привлекали? Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз прийти в учреждение, наконец получает нечто формально правильное, а по сути издевательство?» И дальше, обращаясь к коммунистам, спрашивал: «Сколько вы посадили... в тюрьму за волокиту?» «Нисколько», — ответим правду Ленину сейчас. Нисколько до сих пор.

Ни одно общество не возникает на голом месте. Соорудив до основания строй прежней жизни, мы не учли силу исторической инерции прежде всего в области сознания. Салтыков-Щедрин должен был бы восстать из гроба: доведенное до предела администрирование, слепая вера в авторитеты, бессмертная, как птица Феникс, заботливо воспроизводящая самое себя бюрократия — все эти отечественные недуги, слегка подновив обличье, внедрились в наш организм и прижились в нем. Вложив громадный капитал в будущее, мы все еще платим по старым долгам.

Естественно, возникает вопрос: а не сломает ли бюрократический аппарат тот курс на перестройку, который выдвинут партией, не съест ли его? Думаю, что нет. У каждого человека есть инстинкт самосохранения, но у нации, у народа тоже — инстинкт национального самосохранения. И никакие чиновники не сумеют ему противостоять.

Корр. Корни многих сегодняшних наших недостатков и бед уходят не в такое уж далекое прошлое, именуемое теперь периодом застоя. Анализируя его, ученые, писатели, социологи, юристы, хозяйственники называют разные причины экономического, политического, социального характера. А что думаете по этому поводу вы?

К. Лавров. Может, одна из серьезных причин застоя крылась в недоверии? Министрство не доверяло директору предприятия, держа его в ежовых рукавицах жесткой опеки; директор в свою очередь не доверял бразды правления трудовому коллективу — как бы чего не вышло. Не здесь ли истоки равнодушия, безынициативности? Причем болезнь эта, как видно из истории, застарелая. Еще в двадцать шестом году Феликс Эдмундович Дзер-

жинский, руководивший тогда народным хозяйством, писал в ВСНХ после поездки на предприятия юга о том, что вынес твердое убеждение в непригодности системы управления, базирующейся на всеобщем недоверии, требующей от подчиненных органов всевозможных отчетов, справок, сведений, плодящей бесконечную переписку и волокиту, губящей всякое живое дело... Ведь как будто еще вчера сказано! Надо, считал Дзержинский, круто перевести этот курс на курс доверия.

Корр. Вы назвали имя Дзержинского... Мы, может быть, даже не в полной мере создаем, как важны и нужны сегодня нам удивительные примеры пламенных революционеров тех лет.

А вам, Кирилл Юрьевич, выпало большое счастье: четырежды — в кино, театре, на телевидении вы воплощали образ вождя революции. Последняя роль — в спектакле БДТ им. Горького «Перечитывая заново», созданном из фрагментов и сцен, ранее написанных о Владимире Ильиче Ленине.

К. Лавров. Название этой пьесы символично, ибо его можно отнести и к жизни основателя нашего государства, к его произведениям, как ни когда, актуальным сегодня.

Казалось бы, о Ленине известно все. Но вдумчивые, самобытные художники, а к таким я прежде всего отношу драматурга Михаила Шатрова, ищут нетрадиционные подходы к образу Владимира Ильича. Достаточно вспомнить его пьесы «Синие кони на красной траве» и «Так победим!». Значительным событием стала и премьера телефильма «Штрихи к портрету В. И. Ленина», снятого по сценарию М. Шатрова 20 лет назад.

Соратниками Ленина были люди высоконидейные, глубоко убежденные, искренние и честные и потому не боявшиеся открыто отстаивать свои воззрения. Они отстаивали свои взгляды, как им казалось, для будущего революции. Но именно ради этого будущего Ленин боролся с теми взглядами, которые вели в тупик. Но он никогда не опускался до примитивного навешивания политических ярлыков, чему мы были свидетелями позже.

Мне очень дорога роль Ильича в спектакле «Перечитывая заново», я всегда очень волнуясь, выходя в ней на сцену. «Больше света!» — любил повторять Ленин, а это значит — больше правды.